

Содержание

Пролог	7
Глава 1	48
Глава 2	67
Глава 3	86
Глава 4	122
Глава 5	144
Глава 6	176
Глава 7	199
Глава 8	222
Глава 9	258
Глава 10	282
Глава 11	301
Глава 12	328
Глава 13	361
Глава 14	385
Глава 15	404
Глава 16	419
Глава 17	447
Глава 18	468
Глава 19	494
Глава 20	520
Глава 21	532
Глава 22	575
Глава 23	603
Глава 24	621
Глава 25	659
Примечания автора.....	700
Благодарности.....	701
Об авторе.....	702

Тот, кто правит Каstellаном, правит всем миром.

Пословица

Пролог

Все началось с преступления. С похищения мальчика.

Но никто из людей, замешанных в нем, не считал произошедшее преступлением. И вообще, человек, ответственный за все предприятие, был военным, командиром Эскадрона стрел; в его задачи входило охранять короля Каstellана и следить за тем, чтобы подданные соблюдали законы, которые издавал монарх.

Он очень не любил преступников.

Его звали Аристид Джоливет, и, когда он поднял левую руку и громко, нетерпеливо постучал в дверь сиротского приюта, в золотых лучах вечернего солнца блеснул крупный квадратный аметист. На камне был вырезан символ города — ревущий лев.

Тишина.

Джоливет нахмурился. Он не относился к тем людям, которым нравится ждать, и ему нечасто приходилось это делать. Командир Эскадрона стрел оглянулся на узкую тропинку, вырубленную в отвесной скале, которая уходила вниз, к морю. Он всегда считал, что это странное место для приюта. Утесы, вздымавшиеся над северной гаванью Каstellана, были усеяны выбоинами, подобно лицу человека, переболевшего оспой, а тропы были покрыты тонким слоем щебня, который предательски осыпался под ногами. Здесь ничего не стоило споткнуться, поскользнуться, потерять равновесие, и каждый год около дюжины человек падали с обрыва в зеленое море. До берега не добирался никто — даже если какой-нибудь несчастный и выживал после падения, крокодилы,

обитавшие в гавани, прекрасно знали, что означает вопль и громкий всплеск.

И все же монахиням Дома Сирот Айгона каким-то образом удавалось уберечь от этой печальной участи почти всех своих подопечных — лишь единицы оказывались в зубах прожорливых тварей. Воспитанники Дома могли считать себя счастливыми, ведь всем было известно, какую жизнь вели на городских улицах дети, оставшиеся без родителей. Получить место в этом приюте считалось большой удачей.

Джоливет выругался про себя и постучал снова. Ему ответило лишь эхо. Казалось, за серой гранитной стеной нет ни души. Дом Сирот не был построен на скалах — он был частью скал. Когда-то, во времена исчезнувшей Империи, здесь стояла крепость. На двери, перед которой переминался офицер, еще виднелись полустертые надписи на древнем языке Магна Каллатис. Эти слова ничего не говорили Джоливету. Он не видел смысла в изучении мертвого языка.

Наконец дверь распахнулась. На пороге показалась женщина в синей с белым одежде сестры Айгона. Монахиня узнала Джоливета. Ее взгляд был настороженным, недоверчивым.

— Прошу прощения за то, что заставила вас ждать, легат¹, — заговорила она. — Я не знала, что вы вернетесь сегодня.

Джоливет произнес, приветствуя женщину кивком:

— Добрый вечер, сестра Бонафилия. Могу я войти?

Она ответила не сразу, что несколько удивило Джоливета. Вопрос был простой формальностью. Если он желал войти в приют, ни она, ни другие сестры не могли ему помешать.

— В прошлый раз вы ушли с пустыми руками, — наконец сказала сестра, — и я подумала, вы не нашли того, что вам было нужно.

¹ Легат — в Римской империи старший офицер, командующий легионом. — Здесь и далее прим. пер.

Джозивет взглянул на нее внимательнее. Сестра Бонафилия была маленькой опрятной женщиной с острым подбородком и красными, грубыми от работы руками. Простая одежда выцвела после бесконечных стирок.

— В прошлый раз я приходил, чтобы осмотреть то, что здесь имеется, — ответил он. — Я доложил о своем визите во Дворец. И получил приказ вернуться. Приказ короля.

Она еще несколько мгновений молча стояла в дверях, вцепившись в косяк. Солнце садилось: в конце концов, была зима, сухой сезон. Облака на горизонте окрасились в розовый и золотой цвета. Джозивет снова нахмурился; он надеялся покончить со своим заданием до наступления темноты.

Сестра Бонафилия наклонила голову.

— Ну что ж...

И отошла, пропуская Джозивета.

Потолок коридора, вырубленного в скале, был выложен выцветшими зелеными и золотыми плитками — это были цвета древней Империи, которая перестала существовать тысячу лет назад. Святые сестры в старых льняных платьях украдкой разглядывали посетителя. Некогда гладкий каменный пол, вытертый множеством ног, теперь стал волнистым и походил на поверхность океана. Каменные ступени вели вверх, скорее всего, в спальни детей.

Несколько девочек лет одиннадцати-двенадцати как раз спускались по лестнице. Заметив Джозивета в его ослепительной красной с золотом униформе, с церемониальным мечом, они застыли, широко раскрыв глаза. И тут же развернулись и убежали вверх, тихо, как мышки под пристальным взглядом кота.

Сестра Бонафилия впервые проявила признаки беспокойства.

— Прошу вас, пойдете, — произнесла она. — Ваше неожиданное появление пугает детей.

Джозивет холодно улыбнулся.

— Я пробуду здесь недолго, если, конечно, вы не будете препятствовать выполнению королевского приказа.

— И что же это за приказ?

Кел и Кас, сидя на земле, играли в пиратский бой. Они сами изобрели эту игру, и для нее требовались лишь несколько палочек и пара стеклянных шариков, которые Кел выиграл у старших мальчиков в карты и которые считались в приюте большой ценностью. Кел, как обычно, жульничал, но Кас не замечал этого, а может быть, ничего не имел против. Во всяком случае, он полностью сосредоточился на игре: наморщил лоб и планировал очередной маневр своего корабля. Пряди темно-русых волос падали на его веснушчатое лицо.

Минут пять назад сестра Дженова велела мальчикам из их спальни комнаты идти в сад. Она не объяснила зачем, только сказала, чтобы они шли играть. Кела это вполне устраивало. Обычно в это время он стоял над раковиной и мыл лицо и руки грубым мылом, как полагалось перед ужином. «Чистая душа обитает в чистом теле, — любила говорить сестра Бонафилия. — Здоровье — это богатство, и я хочу, чтобы вы все были богатыми».

Кел убрал прядь со лба. Волосы сильно отросли, и он знал, что скоро сестра Бонафилия это заметит, схватит его и обрежет их кухонными ножницами, недовольно бормоча себе под нос. Но Кел не возражал. Он был ее любимчиком и знал это: сестра пускалась на всякие хитрости, чтобы незаметно принести ему пирожки из кухни, кричала на него очень редко — только если он лазал по самым опасным скалам, по тем, что выдавались в море.

— Темнеет, — сказал Кас и прищурился, глядя на лиловое небо.

Келу не очень нравилось в саду, потому что отсюда не видно было моря. Ему никогда не надоедало смотреть на море. Он пытался объяснить это Касу — говорил, что оно постоянно меняется, что вода каждый

день разного цвета и небо тоже никогда не бывает одинаковым, — но Кас лишь добродушно пожимал плечами. Ему не хотелось разбираться в причинах поступков Кела. Кел был его другом, и этого было достаточно.

— Кстати, а как ты думаешь, почему они велели нам выйти на улицу?

Прежде чем Кел успел ответить, под аркой, ведущей из крепости в обнесенный стеной сад, возникли две фигуры. (Кел всегда называл это сооружение крепостью, а не сиротским приютом. Намного престижнее жить в крепости, чем в благотворительном заведении, куда ты попал потому, что не нужен ни единой душе на всем белом свете.)

Одной из фигур оказалась сестра Бонафилия. А ее спутника знали почти все граждане Каstellлана. Это был высокий мужчина в мундире с медными пуговицами и эмблемой на груди — двумя скрещенными стрелами. Его сапоги и наручи были утыканы гвоздями. Он обычно ехал во главе Эскадрона стрел — отряда лучших воинов короля, — когда тот шествовал по улицам города во время праздников и всяких торжеств. В городе его называли Атакующим Орлом; действительно, видом своим он напоминал какую-то хищную птицу. Он был поджарым; на оливковой коже его костлявого лица выделялись многочисленные белые шрамы.

Это был легат Аристид Джоливет, и Кел уже во второй раз видел его в приюте. Что казалось очень странным. Он знал, что военачальники обычно не посещают сиротские дома. Но меньше месяца назад, когда мальчики играли в саду, Кел случайно взглянул в сторону крепости и увидел в окне алый мундир.

Его всегда интересовал, даже завораживал Джоливет, и в детских играх у них этот офицер часто выступал в роли негодяя, пирата или охотника за головами, который хватал ни в чем не повинного преступника, бросал его в тюрьму Талли и пытал, чтобы узнать нужные сведения. Конечно, ни Кел, ни Кас не лома-

лись под пытками; доносчик считался презренной тварью, низшим существом.

В общем, Кел в тот раз мгновенно узнал Джоливета и вскочил на ноги. Когда он, запыхавшись, добежал до крепости, офицер уже уехал; и, когда Кел спросил сестру Бонафилию, зачем приезжал легат, она велела ему помалкивать и не выдумывать глупостей.

Сейчас же в саду воцарилась тишина. Джоливет, прямой, словно всегда стоявший по стойке смирно, обводил детей взглядом светлых глаз; этот взгляд останавливался то на одном мальчике (Джакме, который отрывал полосы коры от ствола порохового дерева), то на другом (Бертрane, самом старшем, которому было уже десять лет). Взгляд офицера скользнул по лицу Каса и остановился на Келе.

После напряженного молчания, которое, как показалось Келу, тянулось бесконечно, он улыбнулся.

— Вон он, — произнес Джоливет. — Вот этот.

Кел и Кас в недоумении переглянулись. «Который?» — одними губами произнес Кас, но отвечать было некогда. Костлявая рука вцепилась в плечо Кела, и его рывком поставили на ноги.

— Ты должен идти. — Это была сестра Бонафилия. Она крепко держала Кела. — Только веди себя хорошо, Кел, прошу тебя.

Кел оскорбился. Он всегда вел себя хорошо и не создавал проблем сестрам. Ну, конечно, было как-то дельце с порохом и северной башней, и еще тот раз, когда он уговорил Бертрана пройти по доске со стены сада и этот дурак сломал какую-то кость в ступне. Но Кел не сделал ничего такого особенного, это могло случиться с кем угодно.

Однако сестра Бонафилия смотрела на него с каким-то странным, суровым и печальным выражением, и Кел, вздохнув, протянул свой стеклянный шарик Касу.

— Побереги его, пока я не вернусь.

Кас кивнул и нарочито медленно и тщательно спрятал игрушку в карман жилета. Видимо, он думал, что Кел будет отсутствовать всего несколько минут.

Кел тоже так считал — хотя уже начинал в этом сомневаться. Ему не понравился тон сестры Бонафилии. И не понравилось, как его рассматривал легат: тот приблизился, наклонился и впился в него взглядом, словно искал разгадку какой-то тайны. Потом приподнял подбородок Кела и пристально оглядел его лицо, от черных курчавых волос и синих глаз до упрямого подбородка.

Воин нахмурился.

— Мальчишка грязный.

— Он играл в саду, на земле, — объяснила сестра Бонафилия. (Кел подумал: интересно, почему взрослым так нравится обсуждать очевидные вещи?) — Что делает довольно часто. Ему нравится возиться в грязи.

Услышав это, Кел испугался по-настоящему. Он вовсе не был неряхой и грязнулей, по крайней мере, не больше других; почему сестра Бонафилия выглядит и говорит так странно? Однако он ничего не сказал.

Сад остался позади. Легат шагал по каменному коридору, сестра Бонафилия спешила за ним, толкая перед собой Кела. Она что-то бормотала. Мальчик разобрал: «Айгон, ты, кто окружает сушу водами, кто повелевает быстроходными кораблями, даруй своей дочери силу уберечь подопечного».

Кел понял, что она молится, и снова ощутил приступ страха — еще более остро, чем прежде.

Когда они вошли в вестибюль, он с удивлением заметил, что парадные двери открыты. Вид на океан напоминал картину в раме. Заходящее солнце оставило на синей воде золотисто-красную дорожку, а на горизонте виднелись очертания башен затонувшего города Тиндариса, окрашенных в багровый цвет.

Пейзаж отвлек Кела, и он забыл о времени — так иногда бывало, если он смотрел на прекрасные вещи. Придя в себя, он обнаружил, что стоит за воротами приюта, среди голых скал. Сестра Бонафилия и Джоливет смотрели на него сверху вниз. Красно-золотая форма воина слепила глаза, как свет от заката.

И еще там обнаружился конь. Кел в панике уставился на страшное существо. Конечно, он уже видел лошадей, но только издали. Конь казался гигантским, ростом до неба; он шевелил губами, открывая твердые белые зубы. У него были большие круглые глаза, черная грива и такого же цвета хвост.

— Красавец, согласишься, — произнес легат, приняв молчание Кела за знак восхищения. — Никогда не ездил на лошади, да? Тебе понравится.

Кел вовсе не думал, что ему понравится ездить на лошади. И вдруг понял, что ему не хочется вырваться, когда сестра Бонафилия обняла его, словно какого-то ребенка. (Кел не считал себя ребенком. Дети были иными существами, беззаботными, глупыми, совсем не такими, как сироты.)

— Вы должны пообещать, что с ним будут хорошо обращаться, — заговорила сестра Бонафилия. Она редко говорила таким голосом, и, услышав его, сироты обычно разражались слезами. — Он еще слишком юн для службы во Дворце... — Она выпрямилась. — Он дитя Айгона и находится под покровительством Бога, легат. Не забывайте об этом.

Джоливет ухмыльнулся, оскалив зубы.

— С ним будут обходиться как с членом семьи, сестра, — ответил он и протянул руку к Келу.

Кел сделал глубокий вдох. Он умел драться, царапаться и пинаться. Он уже занес ногу, чтобы как следует пнуть легата в щиколотку, но случайно перехватил взгляд сестры Бонафилии. Он не поверил своим глазам, увидев выражение ее лица, но послание было четким и ясным, как очертания парусника на горизонте.

«Не сопротивляйся, не кричи. Позволь ему забрать тебя».

Когда Джоливет поднял его, Кел обмяк. Мертвый груз. Однако это ничуть не помешало легату закинуть мальчика на спину чудовищного коня. Кела замутило, когда мир перевернулся с ног на голову; когда мир принял нормальное положение, он уже находился в седле, и жилистые руки удерживали его на месте.